

18+

КОЛЛЕКЦИЯ
JAAM CLUB

ВОЗДУШНЫЙ ЗАМОК

**АЛЕКСАНДР
СВИСТУНОВ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Александр Свистунов

Воздушный Замок

Свистунов А.

Воздушный Замок / А. Свистунов —

Тринадцать историй — тринадцать миров, где реальность не то, чем кажется. Марсианская база с призраками. Партизаны, захватившие Наполеона. Планета, убивающая своим воздухом. Полтергейст на государственной службе. Демиург, случайно устроивший конец света. Александр Свистунов легко переключается между жанрами, не изменяя главному: каждый его мир живёт по собственным законам, и эти законы неумолимы. Добро пожаловать в Воздушный Замок. Выход не гарантирован.

Содержание

Обманка	7
Воздушный Замок	17
Гости	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Воздушный Замок

Александр Свистунов

Корректор Катерина Орлова

© Александр Свистунов, 2026

ISBN 978-5-0069-7638-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОЛЛЕКЦИЯ
JAM CLUB

ВОЗДУШНЫЙ ЗАМОК

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

АЛЕКСАНДР
СВИСТУНОВ

Обманка

Хладнокровие – первая заповедь новичка. Исследователю должны быть присущи спокойствие, уверенность, рассудительность. Спешка, растерянность, суэта неприемлемы на Ириде. Каждый шаг тщательно просчитан и многократно взвешен. Здесь нельзя забивать себе голову второстепенными вещами. Нельзя думать о том, чего нет перед глазами, и, наоборот, нельзя упускать из поля зрения даже придорожную травинку, свернувшуюся в затейливое колечко под твоим ботинком.

Только выдержка и осторожность среди всех этих «радужных пятен», «чертовых пальцев», «снежных затмений» и «мерцающих следов».

Из-за мерцающих следов Игорь и оказался на Ириде. Именно ради них, используя все доступные методы, он сумел-таки уговорить десяток суровых начальников различных служб отпустить его в поиск. Мерцающий след интересовал Игоря наличием ряда необъяснимых физических парадоксов. Достоверно об этом следе известен лишь один немаловажный для службы Специального Назначения факт: находиться внутри следа безопасно.

Но порядок прежде всего. Порядок этот, словно всеядное животное, не разбирая чинов и званий, с тупым безразличием методично пережевывает всех новопривывших. Делает из них поточных героев сражений со всей остальной Вселенной.

Неделя в карантине – согласен. Учили владеть своим телом, делать шпагаты и принимать позы йоги. Бегать по раскаленному песку, как гриновская героиня по морю, пользоваться блестяшками, обманками и еще двумя десятками предметов, входящих в снаряжение групп спецназа. Решать задачи из высшей математики при воздействии на мозг тошнотворного инфразвука. Заставили запомнить тысячи инструкций на все предвиденные и непредвиденные случаи жизни. Научиться интуитивно определять и обходить за тридцать три километра все не представленные в каталоге объекты. Затвердить наизусть самый главный пункт – не создавать нестандартных ситуаций.

«Но если так... Какого черта нужно было держать меня две недели в изоляторе? Я собираюсь заниматься только следами. Ну, может быть, радужными пятнами, если возникнет такая необходимость. Всего-то дел – неторопливо пройти километров десять, двенадцать, разбросать по дороге кучу датчиков, если повезет, побывать в следе... И назад», – так думал Игорь, между делом посмотрев на GPS. Он уже прошагал четыре тысячи шестьсот метров. Дорожка ровной линией тянулась к горизонту и там, среди растрескавшейся высушенной почвы, терялась вдаль. Изредка попадались небольшие оазисы – деревьев в двадцать, тридцать. Но они оставляли впечатление временного явления, словно случайно уцелевшие островки в выжженной пустыне.

Несмотря на удручающе знойный вид ландшафта, Игорь от жары не страдал. Было здесь +26 по Цельсию. Он легко дышал, широко шагал и внимательно высматривал набор неуловимых примет, сигнализирующих о возникновении мерцающего следа.

Сегодня пришлось-таки пойти на скандал. Спецназ, видите ли, весь работает, личный состав занят, и некому сопровождать новичка на прогулке. Просто ни одного свободного человека.

Он вспомнил суровое, непреклонное выражение лица капитана Эдварда. Как он сам, встрепанный, потеряв чувство меры, от сознания собственного бессилия дико орал на капитана. Как рванулся в секцию связи, оттолкнув ошалевшего от такой наглости радиста, и отправил во все известные ему Советы системы восемнадцать весьма эмоциональных запросов, суть которых сводилась к следующему: почему капитан Эдвард срывает планы научных работ; кто дал ему право держать человека под домашним арестом; известны ли Совету, а равно и капитану Эдварду, рамки его полномочий?..

Эд в конце концов сдался. Он ужасно огорчился такому повороту событий, назвал Игоря неуравновешенным мальчишкой и добавил, что Ирида – это не Альпы и не Памир, и даже на Земле альпинисты ходят в связках. Затем проклял какую-то срочную работу, приковавшую его к базе, сокрушенно покачал головой и мрачно заявил, что снимает с себя всякую ответственность. Он сунул Игорю радиомаяк и, объяснив, как можно с его помощью вызвать тревожную группу, отпустил.

Игорь упрямо шел вперед по тропинке. Изредка носком ботинка он осторожно поддевал камни, попадавшие под ноги. Причем из озорства старался отшвырнуть их как можно дальше, высовывая при этом кончик языка от усердия.

Потянулись металлические озёра. Самое большое метров триста в поперечнике. Все сплошь неправильной формы, просто шкодливо оброненные кляксы. Среди озёр оазисы не встречались. Но где-то на линии горизонта угадывался полосатый песок. Линия жёлтая, линия красная... Иногда одна полоска наползает на другую, и тогда получаются любопытные узоры, затем песок, оберегая свою цветовую обособленность, восстанавливает череду полосок. В песках вновь попадаются оазисы, но туда еще топтать и топтать...

База осталась в семи километрах за спиной. Где-то на западе должен быть «Чертов Палец». Километрах в тридцати к северу, на удивление легко прижившись на этой планете, расположилось независимое поселение космополитов «Белая Долина». А тропинка нестираемой линией тянулась через пески и оазисы прямо к «Острову Джексона» – конечному пункту на маршруте Игоря. Необходимо было прошагать еще девять километров, а также чтобы чуть-чуть повезло – и появится мерцающий след.

Чаще всего следы появляются в районе треугольника: База – «Остров Джексона» – «Чертов Палец». Сначала проявляется вытянутым овалом контур следа, затем, словно облитый жидким металлом, вспыхивает огнем весь участок внутри овала. Его наибольший диаметр – сорок два с половиной метра, меньший – тридцать три и одна десятая.

Деревья и песок, скалы и клубы пыли, случайно занесенные ветром в этот след, – всё становится серебристым и неестественным. Через десяток секунд, иногда через три-четыре минуты, след исчезает и появляется вновь уже через сто пятьдесят метров. Снова исчезает, чтобы преодолеть очередные сто пятьдесят метров. И так бесконечной цепочкой. Особенно хорошо видны следы на фотографиях со спутников. Изредка они обрываются на третьем, четвертом шаге, но, бывает, описывают замысловатые кривые, будто стараются запутать ведомых преследователей. Специалисты, разглядывая снимки, из всех возможных объяснений чаще выбирают самое невероятное – пытаются прочесть всему цивилизованному миру послание братьев по разуму.

Естественное или искусственное происхождение у мерцающих следов – в этом еще предстоит разобраться. В одном Игорь был твердо уверен – в течение двадцати семи часов местных суток он непременно должен встретиться с мерцающим следом. А еще лучше побывать внутри. До сих пор это удалось только Дзюмпею, и то случайно.

Очевидцы рассказывают, что целых девятнадцать секунд в центре овала нелепо дергалась на маленьком пятачке его серебристая фигурка. Казалось, Дзюмпей никак не может решить, что ему делать: замереть на месте или бежать со всех ног от греха подальше. Скоро он принял решение. Тихо опустил на землю и в отчаянии прикрыл голову руками.

Дзюмпею тогда казалось, что после своей мимолетной смерти он вновь воскрес в ином мире. У него возникло давно забытое ощущение детской обиды. Словно кто-то беззастенчиво отнял такой привычный, солнечный, жаркий день, а вместо него подsunул чужую непроглядную ночь.

Он слушал ровный гул жестокого ливня. Крупные капли непрерывно молотили о землю, но ни одна не попала на Дзюмпея. Однако он весь продрог, спина заныла от сырости. Сзади ужасающе бухал гром, сверкала молния, которую он не видел, но почему-то ощущал вспышки

всем телом. Ему казалось, что гроза только идет на него и через секунду обрушится всей мощью. Он сел, прикрыл голову. И все кончилось...

Игорь усмехнулся. Мне бы так влезть. Уж я бы не стал падать ниц.

Следы интересовали, конечно, не только его, но по-настоящему ими еще никто не занимался. К тому же с ними рядом часто возникают радужные пятна, они же пятна Гардинга – соседство очень опасное.

Интересно, насколько серьезен был капитан Эдвард, когда рассказывал эту легенду? Как раз последние два дня карантина они занимались обманками. Теперь проблема решена. Имеешь за поясом обманку, можешь смело лезть в самую гущу радужных пятен.

– Тренировка и еще раз тренировка, – не уставал повторять капитан Эдвард. – Каждое движение должно быть выверено до миллиметра и доведено до автоматизма. Обманка должна быть сначала продолжением пальцев, а затем сутью твоей кожи. Кстати, ты слышал легенду, чрезвычайно популярную среди наших старожилов? Я расскажу.

Когда-то очень давно, когда эта планета переживала еще младенческий период, во Вселенной уже существовала цивилизация Звездных великанов. Одному из молодых великанов, подающему большие надежды, приглянулась прекрасная инопланетянка из шарового скопления Неземных красавиц. Случай был не исключительный. Великану предстояло, как обычно, совершить тринадцать славных дел, избавиться от семи скверных пороков и, наконец, заслужить любовь прекрасной дамы. Он справился с этой задачей слишком хорошо. Инопланетянка навеки связала с ним свою судьбу.

Жили они вместе недолго, но счастливо. В один прекрасный день великан отправился по долгу службы в дальний сектор галактики с секретной миссией... Он пропал где-то на Млечном пути, в окрестностях черных дыр...

Долго ждала его красавица, надеясь на чудо. Но чуда не происходило, и тогда она сама решила это чудо совершить. Прекрасная инопланетянка потратила всю жизнь на поиски возлюбленного. Была она вечно юной и не боялась, что милый не узнает ее, но срок жизни, пусть достаточно большой по нашим меркам, оказался, тем не менее, слишком короток для поисков любимого.

И вот, на закате своей жизни, прошедшей в вечных скитаниях по вселенной, когда времени на дальнейшие поиски у нее не осталось, набрела она на эту планету. Здесь-то она и обнаружила его следы. Но следы были немые и не могли рассказать, что случилось с любимым. Красавица в бессильной тоске бродила по планете и горько-горько рыдала. А вскоре умерла и растворилась в лучах ясного солнца. Но возле следов, там, где роняла она свои жгучие слезинки, расцвели пятна горечи... Они же радужные пятна – если хорошо присмотреться, можно заметить на грунте в таких местах лениво мигающие разноцветные огоньки. Они же пятна Гардинга – бедняга погиб в одном из этих пятен. Они же фокусы фобии. Ни одного человека пятна не желают принимать. Механизм процесса неизвестен, но установлено, что в этом самом фокусе фобии планета вытягивает из тебя все, принадлежащее Ириде, до последнего атома. А затем создает вокруг предмета или человека совершенно непроницаемую оболочку.

– Местным воздухом дышал? – грозно спросил капитан Эд и решительно протянул обманку.

Игорю не хотелось попадать в такое пятно. Он, конечно, обрел навыки, нужные для обращения с обманками, порой даже допускал крамольную мысль, что овладел нехитрым приспособлением в совершенстве, впрочем, капитан не уставал регулярно напоминать Игорю о его младенчестве в этих вопросах и необходимости тренироваться, тренироваться и еще раз тренироваться. И потому Игорь зорко просматривал дорогу впереди себя, как учил его Эд.

Голову чуть набок, глаза слегка прищурены, на правом хрусталике светофильтр. Но в том-то и дело, что часто пятна едва видны, исчезающе крохотны, почти призрачны, и обнаружить их задача невыполнимая. На этот случай за поясом, в так называемом патронташе,

всегда наготове две обманки. А ему Эдвард сунул и третью. Игорь не хотел рисковать, тратить время на то, чтобы выбираться из неприятной ситуации. Так, чего доброго, не до следов будет.

Несколько раз у него появлялось будоражащее ощущение близкой опасности, казалось, он засекал столь нежелательное радужное сверкание. Однажды он долго не мог преодолеть собственный страх, интуитивно чувствуя, что дальше идти нельзя. Минут десять он нерешительно топтался на месте, напряженно вглядываясь в ровную полосу пожелтевшей травы между игольчатым деревом, крайним в оазисе, и ближайшим металлическим озером. Опасность или просто проклятая мнительность? Когда Игорь убеждал себя: вот она, опасность, рядом, он действительно отчетливо наблюдал тревожное мигание разноцветных огоньков. Когда говорил себе: да ерунда, всё в порядке, путь чист – никаких радужных пятен и в помине не было. Не желая рисковать, Игорь осторожно обошел на всякий случай подозрительный участок и вновь вернулся на тропинку.

Стало очень жарко. Воздух над полосатым песком еще не плавился, но уже обдавал горячим дыханием. Кое-где, пока еще вдалеке, на равнине суматошно завозились мелкие клубы пыли. «Только бы они, слившись в сплошную стенку, не помешали обнаружить нарождающийся след», – подумал Игорь.

Он решил освежиться, резко скрутил колпачок у фляги и сделал три больших глотка. Вода была приятной, холодной. Он опустил флягу и взглянул на часы. Два пополудни. Осталось не слишком много времени, а результатов – ноль. Игорь осмотрелся.

Не заносимая песками тропинка упрямо тянулась сквозь пестрый мир чужой планеты. Она словно ободряла одинокого путника своим неизменным присутствием. За красной полосой песка начиналось угрюмое царство камней. Аккуратно накрошенные каменные глыбы ровным слоем легли на равнине. Оазисы и металлические озера уже закончились. Игорю оставалось пересечь какие-нибудь три сотни метров полосатых песков – и он в каменной стране.

Перекусить? Стоило бы, но жара... Кусок в горло не лезет. Водички бы еще... Нет, поесть надо, всё же отмахал десяток километров и впереди еще столько же. Он с сожалением посмотрел назад на далекий теперь оазис. Представил себе прохладно шелестящие узкими иглами листьев деревья, узорчатую тень от крон, где могут отдохнуть глаза от яркого света. Но не возвращаться же...

Игорь сошел с тропинки. Он лениво копнул ногой песок, опустил в ямку руку, легко вскрикнул и тут же отдернул ее. Песок нагрелся здорово. Игорь вновь тоскливо глянул назад, прикинул расстояние. До оазиса минут двадцать, обратно минут двадцать...

Он сделал было шаг назад, замер, немного подумав, содрал с себя куртку, кинул на раскаленный песок и уселся на нее. Из пакета он достал пару яблок, баночку апельсинового сока и тубу с фирменной окрошкой. Окрошка, как обещала надпись на тубусе, была совершенно ледяная. Очень теплые яблоки он закинул обратно, а слегка подогретую местным солнышком окрошку всё же проглотил через силу и с удовольствием запил действительно ледяным соком.

Сейчас бы расслабиться, вдохнуть кондиционированного воздуха, а, может быть, и поплескаться в прохладной водичке... «Ага, а след тебе принесут в личные апартаменты на обширном подносе диаметром метров в сорок?» – подумал Игорь. К тому же песок сквозь куртку уже ощутимо греет. Он резко поднялся на ноги, встряхнул куртку, освобождая от налипших песчинок, да так и замер с курткой в руках.

Впереди, на каменном поле, медленно проявлялся серебристый контур. Внутренний овал неумолимо светлел. Игорю отчаянно захотелось крикнуть: «Подожди, я сейчас...» Путаясь в рукавах, он не сразу натянул на себя куртку и рванул с места. Это был отличный спурт на двести метров. На бегу Игорь умудрился сунуть руку в сумку, колотившую его по бедру, и перебрать кучку анализаторов. Только бы успеть...

Серебристый цвет уже завладел овалом. Камни превратились в слитки драгоценного металла. На несколько секунд они стали самой желанной добычей. Дороже всех запасов золота, платины и других мнимых ценностей человечества.

Игорь, показывая чудеса ловкости, несмотря на опасность оступить, отчаянно прыгал по камням. Он вынужден был непрерывно фиксировать взглядом камни под ногами и все-таки ухитрился держать в поле зрения след.

Шла беспощадная борьба метров с секундами. Метров оставалось еще около тридцати, когда след обреченно замерцал. Игорь резко остановился и расчетливым движением зашвырнул в уходящий след по одному все свои датчики. Это был жест отчаяния. Уже второй диск шлепнулся на заурядную почву заурядной планеты. Серый грубый камень, больше ничего.

Игорь постепенно отдышался, разочарованно покачал головой, надо было продолжать путь, но куда делась энергия?.. Полная апатия, крушение надежд. Или сам себя не смог подготовить к серьезной работе? Настроился на «пришел, увидел, наследил». Он нехотя собрал датчики, тщательно осмотрел их. Результатов ноль. Ничего не зафиксировано.

Ну что ж, в конце концов, след снова может появиться. Почему бы и не на моем пути? К тому же скоро и совсем рядом. Хотя, кажется, лучше настраиваться на многодневные поиски. Редко бывает, чтобы все получалось с одной попытки. Сегодня впереди еще пять километров до «Острова Джексона».

Игорь мотнул головой и, выбирая путь между каменными россыпями, двинулся по тропинке...

Все-таки неудачи преследовали его в этом походе. Игорь мог бы поклясться, что смотрел во все глаза и никакого радужного мерцания не было. Но все-таки он вляпался. Разноцветные пятна вдруг остервенело запрыгали перед глазами. Сильно похолодело внутри, где-то в области живота, а в голове словно вспыхнуло маленькое солнце. На несколько секунд Игорь потерял зрение. Когда он вновь обрел способность видеть, то попытался спокойно разобраться в обстановке.

Пока все оставалось по-прежнему, только пляска разноцветных огоньков мешала сосредоточиться. Игорь знал, куда бы он ни двинулся, он не смог бы избавиться от проклятой фобии пятна, иначе как с помощью обманки. Страх сменился чувством какого-то временного неудобства, захлестнуло необычное ощущение собственной непричастности к случившемуся, какая-то равнодушная отстраненность. Словно это не ему предстояло выкарабкиваться из пятна, а вновь все муки должен был пройти бедняга Гардинг.

Времени было достаточно, поэтому Игорь спокойно, не суетясь, как и учили, вынул из заплечного мешка вакуум-костюм и, уверенно работая с гермозастежками, быстро надел его. Снова вспомнился Гардинг. Картина его гибели, частично снятая спутниками-автоматами, частично реконструированная на Базе спецназовцами, входила в программу обучения новичков поведению на планете.

Вот Гардинг несколько раз резко махнул рукой перед своим лицом, отгоняя раздражающие его радужные пятна. На минуту остановился, недоуменно пожал плечами, двинулся дальше. Но шаги поневоле замедлились. Вот он уже едва переставляет ноги, они ужасно отяжелели, и, наконец, останавливается совсем. Теперь уже его лицо выражает полную растерянность. Бескровные губы жадно хватают воздух, но его катастрофически не хватает. Гардинг судорожно машет руками, лицо его искажается в мучительной гримасе, слышен полный отчаяния спазматический крик.

– Попал в фокус фобии, – бесстрастно произнес капитан Эдвард, – планета жаждет отчуждения.

В этих пятнах она как бы высасывает из человека всё свое, вплоть до последнего атома, создает безвоздушный кокон вокруг несчастного, попавшего в радужное пятно. Гардинг уже меченый, проклятое пятно прилипло к нему. Теперь его ждет только смерть.

Коротко вздохнув, налетел порыв ветра. Он сорвал крону снежного дерева и швырнул заряд белых хлопьев в лицо Гардингу. Легкие пушинки, послушные воздушным потокам, вдруг резко скользнули, обогнув человека по краю невидимой воронки. Гардинг протяжно застонал, опустился на колени, закрыл лицо руками. На щеке, руках сквозь кожу вдруг густо выступили капельки крови.

– Кровь скоро исчезнет, – продолжал комментировать Эдвард. – Пятно только возьмет свое.

– Так какого же чёрта? – закричал Игорь. – Почему вы разрешаете дышать этим воздухом? Оградите людей от мельчайших частичек этой планеты. Упакуйте, в конце концов, здесь всех в жесткие скафандры с полным автономным обеспечением. Или вы просто преступник.

– Бесплезно, – мрачно ответил капитан, – даже в самом совершенном скафандре, на полном иждивении у Земли, человек все равно обречен. Разве что кровь через кожу в этом случае не выступает.

Гардинг с посиневшим от начинающегося удушья лицом пытался ползти куда-то, но из этой попытки ничего не вышло. Это было просто беспомощное барахтанье в вязкой серой пыли. Пыль в местах соприкосновения с комбинезоном быстро темнела. Скоро Гардинг медленно ворочался в черном продолговатом пятне с неровными краями, которое судорожными движениями своего тела вычертил он сам. Черной коркой покрылся и его комбинезон.

Капитан Эдвард продолжал хладнокровно комментировать:

– Началось образование изолирующей оболочки на комбинезоне Гардинга и на его коже. Повсюду, в местах соприкосновения двух миров.

Игорь зло посмотрел на Эдварда. Конечно, он понимал, что капитана в момент происшествия не было на планете, и его вины в гибели Гардинга нет, но смириться с тем хладнокровием, с которым преподносит Эдвард этот ужасный случай, он не мог.

Гардинг затих, уткнулся лицом в черную пыль. Он замер, не закончив своего рывка, согнул в колене правую ногу, вытянул левую, выбросил обе руки вперед.

– Он задохнулся раньше, чем эта пакость заключила его в свой саркофаг. Это был первый и единственный случай. Никто, конечно, не мог и предположить такого. А ты должен все это видеть, чтобы понять, как может быть сложно выжить на этой планете. Наверняка, это не единственный сюрприз Ириды и не последний. Надеюсь, ты понимаешь, как важно научиться в совершенстве пользоваться обманкой? Но даже с обманками в этих местах люди появляются лишь в исключительных случаях.

Гардинг перестал быть узнаваем. Некогда синий комбинезон стал угольно-черным, а лицо и руки стали серыми, словно насквозь пропитались жирной пылью. Медленно кружась, на черную спину изгнанного из этого мира человека садились белые пушинки снежного дерева.

– Больше одного объекта пятно не держит, – как будто издали донесся глуховатый голос капитана Эдварда. – Если идете вдвоем, можно при определенной сноровке меняться местами. Пятно каждый раз начинает свою работу заново, и теоретически можно это делать довольно долго, но на практике лучше применять обманки. Зонами фобии занимается исключительно спецназ, поскольку только мы бываем в опасных районах, но каждый житель планеты владеет инструментом в совершенстве и умеет страховать партнера. Так что прошу на тренировку.

Урок пригодился. Игорь ясно представлял себе, что с ним может произойти и что ему сейчас делать. Вакуум-костюм – небольшое продление имеющегося у него времени. Он задержит предательски покидающий его воздух на несколько минут.

Игорь заученным движением выхватил из патронташа короткий гладкий цилиндр – обманку. Привычно качнул его на руке, крепко прижал к груди и двумя пальцами, большим и мизинцем, одновременно сжал его торцы...

Послышался резкий хлопок. Рука, отброшенная легким ударом, мягко опустилась на бедро. Игорь постарался полностью сосредоточиться. С этой секунды каждое его движение строго регламентировано.

Он замер в центре небольшого сизого облачка, терпеливо ожидая, пока оно окончательно не сформируется. Облачко целиком состояло из чужеродных этой планете элементов. Сейчас оно должно затвердеть и принять его подобие с начинкой из настоящего человека. Задача Игоря – оставить на растерзание пятну обманку, свой макет. Главное – сделать это как можно резче, чтобы фокусу фобии не оставалось выбора объектов и чтобы, покончив с обманкой, чертово пятно не могло дотянуться до человека.

Бояться, собственно, нечего, необходимая сноровка выработана. Правда, слегка начала кружиться голова, воздух незаметно усиливал давление, стремясь покинуть запертый комбинезон, заложило уши. Игорь судорожно сглотнул слюну – не помогло. В вакуум-костюме становилось душно. Ему захотелось сорвать с себя шлем, сделать глубокий вдох, избавиться от звона в ушах, вытащить баночку сока. Игорь даже взялся за застежку шлема. Но времени может не хватить на эти процедуры. А вот дышать без гермокостюма будет сложнее, это уж точно. Ну и ладно, нельзя, так нельзя...

Игорь был недоволен задержкой. Он думал о том, что пока он возится с ловушкой, интересующие его следы то появляются, то исчезают, и, черт его знает, нападет ли он сегодня еще на один из них. К тому же оставалось смутное беспокойство, тревожное волнение, ведь это уже не тренировка – самый настоящий фокус фобии. Радужные пятна никто специально не изучал, сделали обманку и закрыли вопрос.

Он медленно отсчитывал секунды. На лбу от жары выступили липкие капли пота, в голове сгушался плотный туман. Только бы не потерять ощущение реальности, думал Игорь.

Отсчет кончился. Игорь протянул руки перед собой и начал ощупывать окрепшую оболочку обманки. Он искал шов. Пальцы правой руки вошли в тонкую канавку. Игорь развернулся ко шву лицом. Пот противно заливал глаза. Игорь никак не мог его вытереть и без особого успеха мотал головой в шлеме. Он сделал два шага назад и рванулся через шов изо всех сил. На тренировках он так легко проламывал пластиковые перегородки, правда, без сопутствующих каверзных пятен.

Он пробил оболочку, оказался на воле и, не разбирая пути, кинулся вперед. Время было дорого. Игорь ничего не видел в сумасшедшем беге. Только беспорядочные мелькания крупных и мелких камней под ногами, да небольшие фрагменты голубого неба.

Два-три быстрых шага, и он перестал видеть радужные пятна. Ещё немного, и Игорь позволил себе мысленно вздохнуть с облегчением. По глазам резко ударила ослепительная вспышка. Вновь неистово запрыгали радужные пятна. Игорь пришел в отчаяние...

Алгоритм выхода!.. Как я мог забыть? Ведь все уши прожужжал капитан Эд, сколько шагов и в каком направлении надо сделать, чтобы не влезть в соседнее пятно. Нет, ринулся очертя голову. Влип... А если и алгоритм не спасет?..

Игоря окутал душный полог страха... Его вдруг забило в ознобе. Он попытался успокоиться, трезво оценить ситуацию. Он уговорил себя, что озноб – это временно, просто от волнения слегка повысилась температура. Игорь моментально задействовал вторую обманку и, преодолевая головную боль, попытался ясно воссоздать очередность направлений и количество шагов алгоритма. Вроде получалось – крепко постарался капитан Эд. Усилилось сердцебиение, ломило в затылке, почему-то отяжелели руки. Движения сильно замедлились, словно, поднимая руку или двигая ногами, Игорь каждый раз преодолевал сопротивление вязкой среды.

Он робко ткнул рукой в оболочку, почувствовал ее, ударил плечом и только теперь вспомнил про шов. Руки неуверенно скользили по оболочке, шва не было... Игорю стало хуже. Он потерял ориентацию. Он видел только радужные пятна, мигающие сквозь белесую пелену. Игорь изредка, боясь упустить время, не выдерживал и, не находя шва, бросался всем телом

на оболочку. Ловушка держала крепко. Тупо занял желудок, как будто пропал кислород. Игорь часто хватал воздух открытым ртом и с ужасом осознал, что времени остается всё меньше и меньше...

– Ну ладно, давай, – подстегивал он сам себя, – ищи шов...

Не получалось. Хотелось расплакаться, утереть бессильные слезы. Но разве это поможет? На несколько секунд прекратив безуспешные метания, Игорь замер в отчаянии. Слезы всё-таки выступили на глазах, смешались с потом. Игорь сильно мотнул головой, чтобы стряхнуть с ресниц налипшие капельки, и чуть не упал от резкой боли, пронзившей затылок.

– Ну плевое же дело, ну давай, – уговаривал он сам себя. – Медленно ощупай оболочку и найдешь шов. Только не торопись, но и долго возиться нельзя.

Игорь стал спокойно и последовательно переставлять ладони на плотной шершавой стене, но руки помимо воли стремились ускорить движение, и оттого скользили по преграде судорожными рывками.

И все-таки он нашел этот проклятый шов. Когда пальцы почти потеряли чувствительность, Игорь с большим трудом осознал, что они вошли в узкую канавку. Он рванулся вперед, но упругая оболочка отбросила его. Игорь вдруг забыл об ознобе, о тяжести в теле, о вредном воздействии фобии. Он растерянно думал. Неужели всё? Неужели я отсюда не выберусь? Так и останусь высохшим жуком в коробке собственного памятника. Памятник еще при жизни, но перед смертью. Да не может же быть, чтобы эта обманка была крепче предыдущей. Чертово пятно, дьявольское болото, будьте вы прокляты, создатели предательского мира. Все равно не возьмете... Игорь сильно разозлился.

– А-а-а, – закричал он и отчаянно бросился на преграду. Он вырвался, проломил оболочку. Теперь алгоритм выхода. Итак. Четыре шага вперед... Игорь быстро набрал скорость. Удар о скалу, должно быть, был сильным...

Игорь сначала не понял, что случилось. Боль, не торопясь, расколола голову, кажется, заняло левое бедро, что-то хрустнуло в плече. Игорь потерял сознание...

Неизвестно сколько прошло времени, наверное, немного. Игорь смог открыть глаза. Он удобно лежал на спине, вытянувшись во весь рост. Ушибленные плечо и нога тупо заняли. Голова была непривычно ясная, пустая, в ней неприятно звенело. Во всем теле ощущалась необычная легкость. Игорь не смог бы сейчас пошевелиться, но ему казалось, что стоит только захотеть, и можно воспарить над планетой высоко-высоко. Обрести свободу и забыть этот кошмарный сон. Он не мог с уверенностью сказать, случилось ли ему самому дважды влезть в обманку или он продолжает наблюдать фильм о страданиях несчастного Гардинга. Постепенно Игорь отлежался. Кряхтя, он с трудом поднялся на одно колено, машинально махнул рукой перед носом, отгоняя невесть откуда взявшихся разноцветных мошек, и застонал от огорчения. Конечно, столько времени он провалился у подножия своего очередного монумента. Пятно разделалось с обманкой и принялось за лежащего рядышком человека. Игорь вдруг сильно забеспокоился, неуклюже заворочался в пыли и принялся ощупывать свой комбинезон. Он стал надутым, упругим, но воздуха, кажется, еще не пропускал, несмотря на страшный удар о скалу.

«Да, – с каким-то тоскливым спокойствием подумал Игорь. – И как я не увидел этот проклятый кусок камня. Теперь придется выбираться на открытое место и воспользоваться последней обманкой. По всем правилам. Вдруг получится. Значит, обманка, алгоритм, чистое место. Не забыть бы...»

Но тело перестало ему подчиняться. Игорь прекрасно понимал, что надо делать, что у него острейший дефицит времени, но никак не мог себя заставить сделать даже малейшее движение, переставить ногу на один шаг.

Надо, говорил он себе, ведь погибнешь же так. Давай потихоньку, после скорость наберем, только бы выбраться на открытое место. Постепенно он смог заставить себя встать и затем

маленькими шажками, приволакивая ушибленную ногу, двинулся прочь от скалы на открытое место. С каким-то холодным безразличием Игорь отметил, что вакуум-костюм сильно потемнел. Или это у меня в глазах потемнело, подумал он и непроизвольно оглянулся. За ним тянулась кривая черная дорожка, как за Гардингом.

Игорь остановился. Пожалуй, достаточно, место ровное, открытое. Метрах в пятидесяти, ближе к выступу скалы, в скорбной окаменелости застыли два его монумента – памятники герою номер два освоения Ириды. Да и те не годятся для увековечивания памяти: лица-то не видно. Скорее, это два памятника прохудившимся вакуум-костюмам. У каждого из шести-метровых черных гигантов недоставало части левой ноги. Игорь проломил их, когда выбирался изнутри. Теперь и его вакуум-костюм быстро чернеет. Опять не хватает воздуха, но костюм держит все усиливающееся давление.

– Странно, – отметил Игорь, – воздух нестерпимо давит мне на виски, и, тем не менее, его не хватает.

Он потянулся за обманкой. Вакуум-костюм стал словно свинцовый, а может, рука так отяжелела. Игорь спокойно относился к новым свидетельствам разрушительной работы фобии. Пришло какое-то холодное безразличие... В два приема он приподнял цилиндрок на уровень груди и вдруг увидел сквозь неотвязное мелькание радужных пятен заливающее черную дорожку серебристое озерцо. След, за которым он гонялся весь сегодняшний день. «Да, это след, – подумал Игорь. – Ну и что?.. Кому он теперь нужен? Да и пятна здесь, кажется, никому никогда не были нужны. Лучше было сюда не соваться. А обманка, действительно, только на крайний случай и то без стопроцентной гарантии. Что-то мы с капитаном Эдвардом не додумали».

Обманка сработала, пространство схлопнулось вокруг Игоря. Радужные пятна перед глазами и шершавые стены макета – вот и все. Только секунд через пятнадцать он с трудом осознал, что тупо бьет больным плечом в оболочку и не пытается найти шов. Он поднял правую руку, но сумел убедиться в этом лишь глазами. Он не чувствовал мышц, не чувствовал пальцев. Он не мог найти шва. Что ж, оказывается, он все делал правильно, только недостаточно энергично. Мысли в голове путались, Игорь никак не мог сосредоточиться на одной проблеме. То он собирался срочно добиваться на научном совете комплексного изучения радужных пятен, то хотел непременно отправиться на «Чертов Палец» к аборигенам, чтобы выяснить, как пользоваться консервной банкой вместо кастрюли, то вдруг загорелся идеей подарить один из своих макетов музею покорения космоса на Земле, надо бы получше выбрать. Сильно беспокоила его мысль, что он остался должен капитану Эдварду три обманки и десяток анализаторов...

Игорь вдруг с удивлением почувствовал, что он насквозь промок. Но это был не пот... Этот запах... Да, кровь уже выступила через кожу. Он еще раз стукнул плечом, и еще... Он презирал боль. Боль – это временное раздражение, которым можно пренебречь. Скоро ничего не будет иметь значения. Какой там макет, свой личный труп надо завещать музею, пусть стоит вечным предостережением.

Ожесточается планета. Ожесточается природа, не приемлет инородное существо. Человек в фокусе фобии – незванный гость. И впиается в него пятно мертвой хваткой. Игорь все более и более ожесточался против проклятой планеты. В бессильной ярости он, как ему показалось, оглушительно заорал. Но в действительности раздалось лишь жалобное негромкое всхлипывание. Сил у него почти не осталось. Одна только слепая ярость. Он рванулся и на одной только злости пробил оболочку. Игорь свалился здесь же, у подножия макета. Вот теперь пришло успокоение, ни сил, ни злости, ни жизни. Одно обессилевшее тело. Он мог только ждать. Скоро к Игорю вновь вернулись радужные пятна, и он чуть приподнял голову, принимая свою обреченность. Он кинул взгляд назад, на тот путь, которым шел сюда, вернее, брел... Изломанная черная дорожка... Но ближе к скале она прерывалась... Игорь едва смог припомнить,

что там был след, и он уничтожал черноту, а теперь след терпеливо застыл серебряной лужицей заметно ближе, прервав черную линию еще в одном месте.

Откуда взялись силы?.. Правда, немного, но Игорь мог ползти. Он, прилагая нечеловеческие усилия, прокладывая широкую борозду в слое серой пыли. Он уставился на след и, совершенно не осознавая, что делает руками и ногами, сквозь тонкий слой пыли, повисшей в воздухе, фиксировал медленное приближение серебристого овала.

Игорь вдруг вспомнил еще об одной штуке. Он умудрился на ощупь, бесчувственными пальцами запустить радиомаяк, вызвать тревожную группу спецназа. Хотя все равно понимал, что надо выкарабкиваться самому, теперь любая помощь опоздает. И он выкарабкивался.

От запаха высыхающей липкой крови мучила тошнота. Воздух, его осталось так мало, это не жизнь – сплошная задержка дыхания. Лишь визуально он контролировал движения рук и мог надеяться, что ноги еще слушаются его. Медленно он полз к замершему следу. А след терпеливо светился, словно решил во что бы то ни стало дожидаться измученное человеческое существо. И Игорь старался, вновь и вновь пробивал густую белесую пелену, ежесекундно обволакивающую его.

Он представил себе муху, которая безмозгло дергается, зажата между двумя стеклами. Расстояние сокращалось слишком медленно. Игорь вдруг с удивлением осознал, что сердце его остановилось. С сухим треском лопнул комбинезон. Воздуха не стало. Игорь стремительно заскользил навстречу ласковому теплу и мягкому сумраку. «Всё, не успею», – мелькнула короткая мысль...

Вакуум-костюм висел унылыми ключьями на лежащем человеке. Сквозь неровные дыры была видна его жирная серая кожа. Он так и застыл, подтянув к себе левую ногу и выбросив вперед, по направлению к недостижимому следу, правую руку.

А серебристый след, словно в раздумье, неуверенно помигал и вскоре потух, без пользы оборвав черную дорожку.

Воздушный Замок

В черноте большого Космоса, усыпанного звездами, шел малым ходом заурядный транспортник. Летел в абсолютной пустоте и абсолютном холоде, от орбиты Луны напрямик к Марсу. Межпланетчик Олег Макаров, конечно, мог бы поспорить насчет абсолютной пустоты в Космосе, но спорить было не с кем.

– На Марсе меня ждут неприятности, – сообщил он сам себе в полный голос. – А я не могу сказать, что люблю их.

Но какими еще неприятностями после Венеры можно было удивить капитана-исследователя внеземных неопознанных явлений? Там каждый день покой только снится, и ураган ревится диким зверем. Как будто злобный исполин трясет неутомимо атмосферу. И только яростно вгрызаясь в грунт, венероход плетется по планете...

Тогда на равнине Снегурочки, в плотной, как горячая каша, атмосфере безжизненного пространства, свободном даже от смерчей, он нарвался на «Электрического дракона Венеры».

«Ну нашел я интеллект у сгустка электричества, – гордо думал Макаров. – А не нашел, так там бы и остался навечно, пленником Каньона Бабы-Яги. И всё, финита ля Вселенная».

Конечно, после приключений хотелось отдохнуть на Земле. Солнце, воздух и вода. Море, горы, города. Но нет, покой нам только снится. Начальство ну очень попросило зайти... в приказном порядке.

Олег с нескрываемым разочарованием смотрел на адмирала. А адмирал усадил его за стол, сам неловко подал чашечку кофе, пролив по дороге несколько капель, сел в кресло и, волнуясь, начал уговаривать:

– Ну вот, господин капитан-исследователь, говорят, на марсианской базе черти пляшут или марсиане какие-то объявились. Сам не верю в эту чепуху. Но проверять тебе. – Адмирал даже оглядел кабинет, словно показывал, что никого здесь больше нет. – Так что отправляйся на нашу базу на Марсе «Воздушный Замок».

– «Воздушный Замок»? А почему не «Дом с привидениями»?

– Воздуху там много, – отрезал адмирал, – потому и замок воздушный. А ты что-то знаешь про привидения на Марсе? Ну-ка, рассказывай.

– Никак нет. Ничего не знаю, ни о чем не рассуждаю. Жду задания.

– Можешь не ждать. Всё, что знаю, расскажу. Очень противоречивые сведения мы получаем. Все четыре астронавта с базы «Воздушный Замок» несут всякий бред: марсиане призрачные у них появляются, компьютеры с ума сходят, личные вещи пропадают. А какую ахи-нею они несут во время сеансов связи! Психолог просил ЭТО тебе не пересказывать, чтобы не вводить в заблуждение. Возможно, ЭТО всего лишь нервный срыв, и они переругались друг с другом. Если там уже край, заберешь всех и вернешься на Землю. Смотри только, чтобы во время перелета не передрались.

– Не понял, – ответил Макаров, – я-то на Марсе зачем? Отправьте психолога или как его, психотерапевта, он на месте разберется. А я слезы и сопли никому утирать не собираюсь.

– Ничего, поработаешь за психолога. А вдруг там действительно марсианин объявился? Вот ты и пригодишься, как победитель «Электрического дракона».

– Ну да, ну да, – задумчиво пробурчал Макаров, – кстати, за дракона мне отпуск положен, а уж за марсианина даже не знаю, чего попрошу.

– Орден дам, – ответил адмирал. – Или на медаль согласен?

– Ладно, ладно, сначала марсианина поймать надо. А что, – вдруг оживился Макаров, – состав экспедиции на Марсе не менялся?

– Да, сейчас получишь список.

– А Марта Хаген?

– Вот нетерпеливый. Знакомая?

Макаров несмело кивнул, желание отказаться от экспедиции улетучилось.

– На Марсе, – адмирал сделал паузу, словно думал, сказать, не сказать, но всё же решился, – она очень просила, чтобы прислали именно тебя. С чего бы это?

– А если это любовь? – в шутку ответил Макаров.

– Вот как? – адмирал задумался. – Теперь не знаю, стоит ли тебе заниматься марсианами? Или справишься?

Макаров кивнул уверенно.

– Отправляйся. Путь неблизкий. Надо успеть, пока чего-нибудь не случилось.

На красной планете маленькое солнце не грело, только слегка освещало неземной пейзаж. Хорошо и легко было шагать по марсианской пустыне, оставив все невеселые мысли на оранжевой, агрессивной Венере. А треть силы тяжести и вовсе делала прогулку похожей на бег трусцой. Но и на Марсе все хорошее когда-нибудь кончается.

Сначала Макарова долго и упорно не пускал на базу «Инфинити» – электронный мозг «Воздушного Замка». Они общались через чип-телепат – капсулу-передатчик, вживленную за ухом. У каждого межпланетчика есть такая для связи с людьми и всей электроникой. Так вот, главный компьютер, не признав в Макарове человека, решил вдруг, что марсианин пожаловал в гости, и потому заявлял, что Фобос не велит до восхода солнца никого пускать.

– Ты что ж, держишь меня за марсианина? – мысленно орал Макаров заключенному компьютеру. – Так вот, или я вхожу, или у тебя будет расстройство всего твоего электронного мозга.

Макаров вошел. Вскоре он увидел Марту.

Он так ей и сказал.

– Ваш «Инфинити» пытался меня не пустить. Щас буду я ждать, когда у него просветление в электронных мозгах наступит. Конечно, я вошел. Что я, не умею «Аленки» дрессировать, эту компьютерную нежить? Я с ними договариваюсь!

Марта удивленно спросила:

– И что же ты ему пообещал?

– Не лечить ему мозги. Пока. Да я это и не умею. У вас кто тут компами занимается?

– Джон Гайлинг, – с грустью в голосе произнесла она. – Скоро увидишься с ним.

«Все они, обитатели Марса, какие-то нерадостные, – подумал Олег. – А я так ждал, надеялся и верил, как обрадую ее своим появлением. Мы же давно не виделись, с тех пор как были недолго счастливы тогда, в прошлой жизни».

Но Марта, наверное, все забыла. Она сидела, вытянувшись в струнку, смотрела мимо сухим колючим взглядом. Не хватало ей только кусать губы и курить сигареты. На Земле такое бывало. Хорошо, что на Марсе курить нельзя, надо экономить кислород, а не табачным дымом отравлять воздух.

– Марта, не нагнетай обстановку. Если ты теперь свихнешься от этих видений и бешеных роботов, доведешь себя до психоза, мы никогда не узнаем, что же происходит на самом деле и где прячется ваш марсианин. Съешь шоколадку и будешь здорова, – предложил Макаров и, шурша фольгой, раскрыл плитку, заявив в приказном тоне: – Пей чай.

Марта сделала глоток:

– Мне не надо успокаиваться, мне просто надо перестать быть одинокой.

– И это правильно. Съешь шоколадку, – снова повторил Макаров.

– Не хочу я твою шоколадку. И чего это ты на меня так смотришь?

– Как я на тебя смотрю?

– Без особой любви.

– Что ты? Я с любовью смотрю, просто я ее прячу, чтобы никто не догадался.

– И даже я?

– Тебя обманешь, как же. Ты же меня насквозь видишь, сама не раз говорила.

– Я уже совсем ни в чем не уверена.

– Да что у вас тут происходит?

– Кошмар какой-то тут происходит. Сначала все было хорошо. Джон катал Анну по Марсу. Они искали атмосферные фронты, бури и туманы. Они даже полюбили друг друга, как и было положено. Я и Гюнтер... Мы пробовали жить вместе, пока не поругались.

– Да?! – Макарова напрягло это «пробовали жить вместе». Хотя, дальняя экспедиция, две пары в космосе и полная психологическая совместимость. – Хорошенькое дело – пробовали жить вместе! Ты уже разок пробовала, когда вышла замуж за Пьера Дежана, а через год развелась!

– Это был мой каприз, мне захотелось выйти замуж за француза.

– А теперь из-за твоих капризов и я оказался на Марсе? – спросил Олег, не скрывая удивления. – Из-за твоих капризов, как я думаю, вы и с Гюнтером поругались?

Макаров уже возненавидел этого Гюнтера. Хорошо, что они с Мартой расстались, а то бы придумал какую-нибудь дуэль. Бой на марсоходах! В лобовую атаку он бы сходил.

– Не знаю, – в задумчивости ответила Марта, – не знаю, я теперь не считаю его за человека. А может, я изменилась. Случилась одна неприятность. Я была на Элизии. Это вулканическая равнина на севере, шесть километров над средним уровнем. Там три вулкана – купол Гекаты, гора Элизий и купол Альбор. Я искала органику. Одна. Вылезла из марсохода. Ты представляешь себе, что такое чернее черного? Нет? А я теперь знаю. Меня придавило Тенью! Мне стало плохо. Глухота, слепота, холод и полная бессознательность. Я тебе сейчас покажу. Закрой глаза и настройся на мой чип-телепат.

Макаров видел всю картинку в объеме, со звуком.

Солнце – маленький диск высоко над горизонтом. Освещение скудное. Сумрак прикрывает красные камни Марса. Марта опускает с руки кучку нанороботов для поиска органики. Нагнулась, коснулась перчаткой земли, то есть Марса, вздрогнула, грунт вибрирует. Будто что-то тяжелое шагает по земле, то есть по Марсу, все кругом дрожит, и даже диск солнышка подпрыгивает в такт шагам исполина. Марта, заранее пугаясь, оглядывается. Никого. Ну не совсем никого. Тяжелая и плотная, как ей показалось, тень, вернее нечто чернее черного, стремительно надвигалось. Тень великана выросла, закрыла собой все на свете. Марта закричала от страха, прикрыла голову руками, обхватила шлем и очень медленно, чтоб не дразнить эту Тень, отходила к марсоходу. Но Тень все равно догнала. Казалось, весь Марс погрузился во мрак.

– Потом меня нашел Гюнтер.

– Ох, бедная моя марсианка, – Макаров нежно обнял ее, словно хотел защитить. – Но с тобой ничего не произошло?

– Ничего?! Тень меня раздавила!

– Тень? Ну что ты. Тень – она и в Африке Тень. Что изменилось, родная?

– Не надо называть меня родной! – резко оборвала Марта.

Она слишком резко поставила на стол чашку с чаем. Чай выплеснулся, и чашка быстро заскользила в сторону Олега. «Сила тяжести здесь в три раза меньше. До сих пор хожу, подпрыгивая, когда еще привыкну», – подумал Макаров. Но Марта должна была уже привыкнуть. Да нет, швырнула и швырнула чашку, чего ей заморачиваться.

– Мне теперь все время холодно.

– А ты грейся, чай горячий пей.

– У меня нормальная температура, я не болею. Это холодная Тень меня всегда обнимает. Всегда и всюду. Дальше некуда. Меня будто раздавила эта бесплотная Тень. И теперь он все время ходит за мной.

– Кто? Марсианин?

– Конечно, марсианин. Шаг за шагом, ход за ходом. Ходит и молчит.

– Неразговорчивый попался, должно быть, слова копит, – Макаров попробовал отшутиться, но Марта не хотела смеяться.

Она взглянула с таким сожалением, что Олег смутился, захрустел кусочком шоколадки и выпил чаю из чашки Марты. Свою словно не заметил.

– Его можно увидеть?

– Конечно.

– Где?

– Обернись.

Макаров уже приготовил шутку, хотел сказать, что увидеть никого на таком коротком расстоянии – это надо суметь. Шутка не пригодилась. Было мимолетное виденье, но силуэт он разглядел четко. Мужчина, судя по фигуре, с длинными волосами, вытянутой физиономией, весь худой и длинный. Стоит, скрестив руки, изучает Макарова и молчит. Потом он исчез.

– Весело у вас, – только и смог пробормотать Олег.

Он обернулся и чуть не сел на пол от неожиданности. Марта была рыжая, а стала брюнеткой. Комбинезончик из темно-синего превратился в розовый. Но не это его удивило. Ее новый взгляд. Никакого уныния, озорная веселость. Марта, покачивая головой в такт, будто напевала песенку, кусала шоколадку.

– Ты уже не боишься марсианина? – удивленно спросил Макаров.

– Не-а. Шоколадку будешь?

– Потом, когда марсианина поймаю.

– Значит, останешься без сладкого.

– А можно теперь, пока ты Тени не боишься, я тебя поцелую?

– Потом, если захочешь, когда марсианина поймаешь.

– Как же я жил без тебя? Сам себе удивляюсь.

– Но а на Венере с электрическими драконами ты не скучал? Я тоже на Венеру просилась к твоим драконам, но отправили меня на Марс. Так у нас совпало с Гюнтером.

– С Гюнтером? – Макарову захотелось сломать что-нибудь: выбить иллюминатор голым кулаком, или хоть чашку разбить, или Гюнтеру в челюсть стукнуть. – А ты меня когда-нибудь любила?

– Когда-нибудь...

– Ага, так у нас с тобой все еще будет!

– И было. И, может быть, будет.

– Загадками разговариваешь? А как ты успела переодеться и перекраситься? Или я что-то пропустил, пока поворачивался? Марта – это ты? Или другая Марта?

– Ты пришел, прогнал марсианина и мои грустные мысли. Ты же победитель, ты всех побеждаешь: и электрических драконов, и слабых женщин.

Марта одарила его любящим взглядом. Захотелось подойти к ней, обнять, поцеловать, задушить в объятиях. Макаров сделал шаг навстречу.

Она подошла и обняла его. Макаров потянулся к ней с поцелуем. Но он все еще был настроен на ее чип-телепат, поэтому прекрасно слышал Гюнтера:

– *Марта, ты одна?*

Марта замерла, чмокнула в щеку Макарова и ответила с досадой:

– *Одна я или не одна – какой вздор! Тебе что-то нужно?*

– Да! И если ты с тем, кто недавно прибыл, тем более мне нужно поговорить. Я не могу быть один.

– Входи.

В отсек вошел Гюнтер. Ступал он тяжело и громко, раскачиваясь, как цирковой медведь. И Макаров подумал, что характер у Гюнтера должен соответствовать топоту ног. Ну да, и взгляд угрюмый, но живой. Точно безжалостный меланхолик.

– Макаров, – не спрашивая, просто отметил он. – Рад встрече. Чай? Это хорошо.

Он взял одноразовый стаканчик, тот почти потерялся в его огромной лапе, налил чаю до половины, кинул два кусочка рафинада.

– Разговор будет долгим, – продолжил Гюнтер, – но действовать надо быстро. Надо сворачивать экспедицию, иначе мы тут все поубиваем друг друга.

Марта сидела в кресле и в волнении кусала губы. Ей явно не нравилось появление Гюнтера.

– Вы тут сидите, – нервничая, продолжил он, – а марсиане по «Воздушному замку» ходят, воздух наш сжирают.

Макаров удивился: вроде дышится легко. А с этим Гюнтером большой вопрос. Он еще не решил: то ли злиться на доктора, то ли жалеть его. Может, болеет человек марсианскими страхами. Тогда его лечить надо.

– Не понимаете? – Гюнтер смотрел безумными глазами. – Они уже не просто стоят за спиной. Вот, пожалуйста: вчера сию, препарирую данные. Это медицинская карта Марты. Очень любопытно.

Макаров аж вскипел, очень захотелось, если и не дать кулаком доктору в нос, то хотя бы сказать что-то обидное. Но он только и смог произнести:

– Не отвлекайтесь, доктор. Что у вас есть про марсиан?

– У вас чип-телепаты включены? – спросил доктор. – Я сейчас покажу моими глазами.

Свет меркнет. Страх холодит спину. Сзади стоит марсианин. Гюнтер поднимается, своим тяжелым кулаком пытается достать до длинноволосого, худого существа без лица. Напрасно. Может, он его и тронул, но не почувствовал. Невыносимо давят прошлые страхи. То было еще на Земле, когда он задыхался, погребенный под снежной лавиной, и, хотя спасатели явились через двадцать минут, он успел увидеть свою прошлую жизнь и заглянуть в безрадостное будущее. А марсиане, как черти, вертятся вокруг в диком хороводе. Гюнтер, как бык, пораженный тореро, тяжело шатаясь, трясет головой, пытается схватить губами воздух, но не дышится, кислорода нет, остался один азот. В голову лезут нехорошие мысли. Самая противная – помни о смерти. Голова заболела от этих марсиан.

Макаров отпаивал водой доктора. Тот все еще шептал.

– Нам не место на Марсе, мы мешаем им. У них нет выбора, и у нас тоже. Нас уберут отсюда. Съедят изнутри.

– Может, лекарство примешь? – заботливо спросил Олег.

– Нет, нет, мне уже хорошо. Я же сам доктор, сам себя вылечу. Вы знаете. Это началось... Я помню тот день. Именно тогда мы поругались с Мартой, именно тогда появились марсиане. Сначала молча ходили за нами, а вот теперь стали нападать. Скоро, как только они влезут глубоко в наш мозг, мы начнем убивать друг друга. Или мы вылезем на поверхность и откроем гермошлемы, задохнемся и положим конец нашим пыткам. Вы здесь для чего? – вдруг громко заорал он.

Олег размышлял. Что это: обида ревнивца? Или Гюнтер все-таки болен?

– Доктор, не принимайте близко к сердцу и лечите свои нервы. Призраки – они как сны, а сны – это только сны, – заявил Макаров.

– Сны?! – в отчаянии закричал Гюнтер. – Сны? Мы чужие на этой планете. А чужих, в лучшем случае, не любят. А обычно – уничтожают. Смывают с лица планеты, как грязь. Может быть, человеческая цивилизация свое уже отжила?

– Ну, тогда и марсиане давно свое отжили. Чего теперь лезут с того света не свое дело?

– Тут уж не знаешь, где тот свет, а где этот.

– А кофе у нас есть? – спросил Макаров. – С коньяком?

Марта не ответила, она пристально рассматривала Гюнтера, словно диагноз ставила. Тот под ее взглядом вдруг стер маску меланхолика и криво улыбнулся. Кивнул с пониманием:

– Кофе в боксе, коньяка нет. Спирт есть, сейчас принесу.

Вернулся он с американцами.

В отсек ввалился Джон Гайлинг. Зыркнул глазами: взгляд у него хищный, а движения мягкие, пружинистые. Сила тяжести на пользу пошла. Ну прямо леопард прямоходящий без пятен. За ним вошла Анна.

– Русский? – вместо приветствия спросил Гайлинг. – Хай! Тебе что ли нужен коньяк? Коньяка нет, виски есть. «Джек Дэниелс».

– Пойдет и виски. Марта, – позвал Макаров, – сооруди нам кофе, пожалуйста.

«Марта уже бодра и весела. Она почти что счастлива. Чего она вдруг снова изменилась, призраки ее явно не беспокоят», – думал Макаров.

Пили кофе с капельками виски, Гайлинг хвастался:

– Я окончил Йельский университет, потом долго работал в НАСА. Да, – он пристально посмотрел на Макарова, – слушай, русский, – он упорно не называл Олега по имени, – я ведь еще и в армии служил допросчиком. Русский язык для этого выучил.

– Да ты вообще крут, мужик! – восхитился Макаров. – И чашку в левой руке держишь. Левша, что ли? Кстати, а как по-английски будет левша?

– Гений, – скромно ответил Гайлинг.

Гюнтер с меланхолической улыбкой а-ля Пьеро пил кофе. Воображение рисовало ему марсианский Апокалипсис. Макаров думал о Марте с Гюнтером и решил, что немец ему не опасен. Марта наблюдала за всеми и будто слышала их мысли. А Анна в восхищении слушала Гайлинга, даже к кофе не притронулась, чтобы не отвлекаться.

– У нас тут компьютеры сходят с ума, – вещал Джон, – а я не успеваю их перепрограммировать. Они сходят с ума постоянно, а я иногда устаю. Спросите, почему они сходят с ума? Марс! Тут есть атмосфера, бури, смерчи, облака, бывшие реки, микроорганизмы и прочая нежить в формах, о которых мы еще не знаем и которые не нашли. Тут носятся вирусы неизвестной природы.

Анна смотрела широко раскрытыми глазами на Джона, чувствовалось, что это герой ее романа, и без него ей неуютно, она растеряна. Она сейчас почему-то сильно волновалась. Какая-то мысль не давала ей покоя. Гайлинг замер на секунду, поймав ее взгляд.

– Что с тобой, моя милая? – спросил он дежурным тоном, словно знал, что она скажет.

Анна с отчаянием произнесла, чуть не плача:

– Я чувствую уже сейчас: нехороший ветер поднимается. Безумная буря за ним прячется, наш «Воздушный замок» сдует. И мы не успеем добраться до корабля. А еще, пока мы здесь, на Марс могут упасть Фобос или Деймос, если они марсианами управляются. Ведь правда, если Фобос упадет на нас, то Марс расколется?

– Блондинка, – строго сказал Гайлинг, – не включай мозги, тебе это не к лицу. Не хочешь кофе, выпей чая. Продолжаю. У Марса есть гравитационное поле, есть магнитное поле, еще какое-то поле. Где-то в этих полях живут остатки марсианского программного кода. А наш центральный компьютер – «Инфинити» – его подобрал. А наши чипы-телепаты? Они работают с «Инфинити», тот командует всеми устройствами, вплоть до каждой кнопки, и обеспечивает жизнедеятельность людей. Вот. А теперь марсианский вирус начинает вторгаться в нашу лич-

ную жизнь. А поскольку у нас тут вся связь телепатическая, в том числе и с «Инфинити», то он передает этого марсианина прямо нам в мозг. Просто и гениально. Мы все очень живо представляем этих марсиан. Но весь этот ужас не на Марсе, а в наших головах.

Анна обиделась. Ее дорогой был груб. Она молча глотала слезы, кривила губки и с обидой всхлипывала, косясь в сторону Джона. Тот не обращал на это никакого внимания. Марта присела рядом с Анной. Погладила ее по голове, оторвала волос, спрятала в свой кулачок, подула. Потом раскрыла руку, а там пусто. Теперь она шептала какой-то заговор. И вдруг громко сказала:

– Чем наряднее девушка, тем меньше от нее пользы.

Анна икнула и перестала плакать:

– Мне что же, переодеть мой розовый комбинезон?

Марта что-то веселое рассказала ей на ушко. Вот Анна уже и смеется.

Гюнтер тяжело вздохнул, со стуком поставив чашку.

– Пойду я, – с безнадежностью в голосе сообщил он. – Ничего у вас не выйдет. Плевал Марс на ваши антивирусы. Улетать надо.

– Ну, герр Гюнтер, нельзя же быть таким пессимистом. – Анна кусала шоколад прямо от плитки, запивая чаем. – Джон все сделает. И у нас у всех все будет хорошо.

Марта мило улыбнулась. Она была счастлива поддержать Анну.

– Ах, вот как! Сделает! Да еще не сходя с этого места? – засомневался немец.

– При чем тут место? – возразил Гайлинг. – Главное в мозгах. И у нас, и у «Инфинити».

Макаров чувствовал, что кто-то что-то не договаривает. Вообще-то он тут главный, если они не поняли. Ладно, напомним. Надо серьезно поговорить с Мартой, решил он. И про нее, и про ее марсиан. А пока...

– Какой-то паршивый вирус мешает нам жить? Чего тут думать? Надо выдрать у себя все эти чипы-телепаты и жить спокойно.

Гайлинг даже подпрыгнул на месте от возмущения.

– Что? Как я буду общаться с «Инфинити»? Как я буду управлять станцией? Как я буду разговаривать с людьми?

– Как? Словами. Будешь издавать звуки ртом, и марсиане будут сыты.

– Нет, невозможно, – в полной растерянности прошептал Джон. – Мы же не сможем улететь с Марса, даже с Землей связаться не сможем. Тут все перестроено на телепатическую связь. Других способов управления нет! Дайте мне время, я найду код Марса. А чипы не трогайте.

– Да уж, это я побежал впереди паровоза. Был не прав. Зато ты у нас такой же умный, как я красивый. Ладно, дождемся, когда марсиане станут у меня поперек дороги. Ну что ж, попробуй свой антивирус!

Джон попробовал. Два дня он пробовал, а антивирус в «Инфинити» ему удалось запустить только на третий день. Призраки не исчезли. Джон попросил еще два дня. Макаров согласился, он еще не решил, что будет делать с призраками. Только буркнул вслед Гайлингу:

– Лучше бы ты этот код Марса нашел, тогда бы все проблемы отпали сами собой.

Он вернулся к Марте.

Одно время они были счастливы. Каждое утро Олег подавал кофе в постель, а перед этим печатал цветы на 3D-принтере. Цветы получались как настоящие, а вот запахи всё же были искусственными.

Марта открывала свои заспанные глазки, дотрагивалась до букетов, и они оживали. Ароматы становились неземными, божественными. Особенно хороша была чайная роза. Казалось, ее благоухание заполняло всю жиденькую марсианскую атмосферу. А что до марсиан. Где эти марсиане? Не до них пока. Олег так и доложил адмиралу, что, мол, антивирусами всех этих призраков вычистим в скором времени, только доктор Гюнтер впадает иногда в депрессивную

меланхолию, но и его вылечим. Миссия будет выполнена, и Макарову делать будет больше нечего. Но он останется. Он хотел быть с Мартой.

Олег пытался угадывать все ее желания и ошибался. Так и сегодня. Он задумал ужин при свечах, стихах, вкусностях и признаниях в любви. Но вместо этого они отправились на равнину Элизии собирать нанороботов, это был каприз Марты: она захотела посетить знакомые места и о чем-то поговорить с Макаровым.

Высоко в безоблачном марсианском небе светились алмазным блеском звезды. Фобос важно покачивался, приподнявшись над горизонтом. Красные камни Марса будто расползались, открывая дорогу марсоходу. Огромные глаза Марты за стеклом гермошлема светились детским любопытством. Она очень внимательно рассматривала гору, купол Гекаты.

– Зачем мы здесь? На прогулке?

– Здесь я иногда общаюсь с Марсом.

– Как ты это делаешь?

– Сама не знаю, но как-то получается.

– А я не знаю, чем мне теперь заняться. Разве что быть тебе верным рыцарем, – сказал Макаров.

– Не знаешь, чем заняться? – удивилась Марта. – Ищи марсианина, не может быть, чтобы все исчезли, а я пойду собирать своих нанороботов.

– Куда? На гору?

– Ну да.

– Это же далеко и долго.

– Конечно, но что делать, я тоже хочу поймать этих вирусов, а, может быть, и марсианский код открыть, не всю же славу Гайлингу оставлять. Тем более я знаю, как это сделать.

– Я бы отнес тебя на руках, но мешает твой скафандр. Его тащить я не намерен.

– Мне что же, снять его?

– Ну, конечно, то есть да, только не здесь, а в «Воздушном Замке». Там я скажу тебе много ласковых слов. Так ты меня не разлюбила?

– Я долго вспоминала наши чувства. Тебе повезло два раза. Сначала Гюнтер. Он герой не моего романа. Мимо есть мимо. А потом, когда тебя «Инфинити» не пускал на Базу.

– Ах да. Уперся, как баран, что Фобос ему не велит до восхода солнца никого пускать, и всё. Здесь в каждом роботе дух Марса. Но я вошел. Я умею их дрессировать, эту компьютерную нежить, так же, как и венерианского электрического дракона. Я с ними договариваюсь!

– Это ты так думаешь, что с ним договорился! Наивный юноша. Как же. Это я ему велела тебя впустить.

– Ты!? И он послушался? И компьютер пугается женских истерик?

– Или подчиняется. Мне тут все подчиняются.

– Сказал бы я, что думаю по этому поводу, но мыслей пока нет. Хотя, думаю, что, если есть у тебя связь с этими марсианами?.. Получается, ты можешь договариваться с этой Тенью, если захочешь. А Тень мы назовем духом Марса! Давай, договаривайся, делай мою работу. Зачем я сюда прилетел?

– Да ты не очень расстраивайся, Олег, тебе же уже повезло с электрическим драконом.

– Ну нет. На Венере слишком жарко для удачи.

– Но тебе же повезло!

– Один раз. И на этом удача кончилась.

– А на Марсе?

– На Марсе прохладно для удачи!

– Ну не волнуйся, встретишь ты своих марсиан. Да, я думаю, не стоит с ними тянуть.

В голове его что-то как будто щелкнуло. Затылок отозвался болью. Олег прикрыл глаза, потом вновь открыл и ничего не увидел.

– Что за черт? – громко выругался он. – Я ничего не вижу. Хотя нет, вижу. Но, кажется, не своими глазами. Ну да.

Его окружали длинные, тощие безликие призраки, и он был одним из них.

– *Что это?*

– *Это местные голограммы. Теперь и ты их создал. Ты тоже подхватил эту заразу, марсианский код. Кстати, можешь своих призраков послать куда угодно. Я, например, могу видеть их глазами. Только место нужно представить поточнее. Хоть на Землю могу отправить. Самое смешное и ненаучное – я все вижу мгновенно. Не нужно ждать, пока свет от Земли до Марса дойдет.*

– *Всё, финита-ля, Вселенная! Нечеловеческая сила будет нас жрать изнутри. Мы и есть призраки Марса! Прав Гюнтер, пора застрелиться.*

Макарову даже захотелось плакать, жалея себя. «НО, – подумал он. – Пока что я над собой главный, и не надо меня учить жить, да еще по-марсиански. Будем строить мысли марсиан по-земному. Они у меня будут ходить строем».

– *Так ты и за мной приглядывала? Пока я на Венерах прохлаждался?*

– *Ты не волнуйся, Олег. Мы тебя вылечим. Чуть-чуть потерпи. Я могу убрать всех этих призраков. У нас, наверное, из-за этого кода Марса у каждого новые способности проявились. Гюнтер – великолепный целитель, он может взглядом лечить, а если прикоснется хотя бы пальчиком, то мертвого оживит. Джон, наверное, сам является частью марсианского кода. Он уже встроился в местную компьютерную жизнь. А Анна... Анна повелевает бурями и туманами и даже марсотрясения устроить может по собственному желанию.*

– *Ага, – догадался Макаров, – потому доктор – угрюмый меланхолик, и сам себе настроение не лечит, хочет, наверное, умереть пессимистом. У Анны настроение меняется как погода, а Джон – обычный компьютерный гений. А у тебя какие способности?*

– *Я – ведьма.*

– *Да уж, сделала ты меня. Одна ведьма оказалась сильнее целого капитана-межпланетчика. И если ты очистишь Марс от всей нечистой силы, то что я тебе буду должен?*

– *Будешь обязан на мне жениться.*

– *Что я и сделаю! Но скажи. А что же я? Я же на всё способен. Чего от меня ждать? Я теперь могу планеты двигать на расстоянии?*

– *Может быть... Ты себя еще проявишь.*

– *Куда же дальше?*

– *Дальше некуда, – засмеялась Марта, словно вспоминая что-то из их прошлой жизни.*

– *А над Гюнтером ты чего издевалась? От скуки?*

– *Ну, мне было одиноко. Вот ты появился, и марсиане теперь исчезнут. А Гюнтер? Он мне надоел. Мне вообще тут люди надоели.*

– *А я?*

– *А ты не люди. Ты – Макаров!*

– *Может быть, может быть. Давай вернемся, родная, на базу, а то что-то я по Земле заскучал, самое время прошлую жизнь вспомнить.*

– *Хочешь устроить мне романтический вечер?*

– *Я бы устроил, но не знаю, как ты его себе представляешь. Может, вечер при свечах? Вино я привез, бургундское. А вот про свечи не подумал. У тебя они есть среди ведьминских амулетов? Кстати, не жалко драгоценный кислород свечами жечь?*

– *Ничего, я кислород еще наколдую.*

«Ведьма! – С восхищением подумал Макаров. – И что мне на это сказать? Да пусть будет ведьмой. А еще она разговаривает с этой Тенью, духом Марса. Аэлита!»

Скоро они вернулись в «Воздушный Замок». Голова у Макарова больше не болела. Призраки исчезли. Марте не нужно было их наколдовать. Но Джон вдруг сделал заявление.

– Можете смеяться, – заявил он за вечерним кофепитием, – сообщение первое, я – марсианин. Сообщение второе, марсианский код помогает мне писать антивирус для него же.

– Ой, – тихо вскрикнула Анна.

То ли она поверила в марсианское происхождение Джона, то ли испугалась, что он нездоров. Марта молча пила кофе, ее как будто не интересовали все эти коды и антивирусы.

– Доктор, – позвал Макаров, – мне сдается, у нашего гения жар, и бродит в его башке этот код, как квас под крышкой. Вы его лечить будете?

Гюнтер печально покачал головой:

– Его не надо лечить, у него ничего не болит, а мания величия пройдет. Нам всем пора на Землю, иначе мы сойдем с ума.

– Ни черта мы не сойдем с ума! – весь на нервах закричал Джон. – Да поймите же, код Марса нам не вредит, он наши человеческие таланты усиливает. Доктор вон теперь без лекарств лечит, Марта чудеса творит, Анна погоды меняет. Я никогда так быстро в уме не мог считать, как сейчас! А если бы вы понимали, какие сумасшедшие алгоритмы я теперь строю! Вы бы мне памятник при жизни поставили. Я почти вскрыл код Марса. И я уверен, что существует код Земли. А ты наверняка подхватил код Венеры.

Гайлинг произнес последнюю фразу голосом государственного обвинителя в суде и проткнул пальцем воздух в направлении Макарова.

– И что же из этого следует? – спросил Макаров. – Если электрический дракон теперь мне родственник, так я электричество, как булочки, жрать должен?

– Нет! – истерически заорал Джон. – Никакие чужие в тебе не спят. Ты слышишь или нет? Человеческие качества усиливаются! Человеческие! Я докажу, я вам всем докажу, – вдруг по-детски захныкал он. – Я вскрою код Марса, я найду коды Земли и Венеры, я докажу, что и у Солнца есть код, – вдруг снова истерически закричал он.

– Точно, и на Солнце есть пятна, – согласился Макаров. – Доктор, все-таки успокойте его, пока его возмущенный марсианский разум не залечил до смерти мозги «Инфинити», а то останемся без связи и, не дай бог, без электричества. Как же мы будем тогда кофий пить?

Джон рыдал, уронив голову на плечо Анны. Та его успокаивала.

– Ты не марсианин, – уговаривала его Анна. – Ты всего лишь гений, человек Джон Гайлинг.

– Да, я гений, – покорно соглашался он. – И когда я открою все коды Вселенной, вот тогда человек станет действительно велик.

– Я тебе между нами скажу, – снова вставил словечко Макаров, – велика Вселенная, со всей коды не соберешь, хотя хотеть можно.

Доктор коснулся указательным пальцем лба Джона, и тот мгновенно заснул.

– Чего он такой нервный в последнее время? – спросила у Анны Марта.

– Он очень много работает, – ответила Анна.

– Она права, – произнес Гюнтер, – действительно, здесь человеческие качества усиливаются. Может быть, он еще станет и гениальным истериком.

– А про меня что вы сможете сказать? – с обидой в голосе спросил Макаров. – Я паразитом никогда не был, дайте и мне какой-нибудь талант.

Доктор развел руками: мол, кто знает?

– Я про тебя всё расскажу тебе позже, если захочешь, – вдруг ответила Марта. – А пока пей кофе. У тебя всё еще впереди.

Доктор свой кофе уже допил, озабоченно посмотрел на спящего Гайлинга и высказался.

– Он действительно гений. Он вскроет этот код. Но нам все равно нужно отсюда убираться. Предлагаю завтра улететь на Землю, улететь на Землю, улететь на Землю, – повторял эхом доктор.

– Надо подумать, – ответил Макаров. – И какой только гений этот Марс выдумал?

– Бог, – просто ответил Гюнтер. – Как и Землю, и все остальное. Вот только человек – это его ошибка.

Макаров засмотрелся на Марту, свою неземную красавицу, и ответил сразу, не задумавшись ни на секунду:

– И Бог может ошибаться, только его ошибки – божественны!

Она была теперь смуглой, зеленоглазой, высокого роста. Доросла до Макарова. Самое время ей подарить Землю. Всю Землю. Ну не буквально сделать ее царицей всей планеты, потому что непонятно, что делать с миллиардами ее жителей. Просто пора возвратиться домой. Не на Марсе же любовь крутить. Здесь не романтично.

– Будем готовиться к отлету, – решительно заявил Макаров.

Анна с сомнением покачала головой:

– Погода меняется к худшему.

– Нет, нет, – тоном, не допускающим возражений, ответил Гюнтер. – Ты же нам обеспечишь погоду?

– Попробую, – неуверенно ответила Анна и озабоченно посмотрела на Гайлинга.

Анна нервничала. Поэтому весь следующий день бури сменяли одна другую. Красная мгла носилась над «Замком» с бешеной скоростью. Казалось, камни Марса время от времени стучались в двери базы. Или это Тень – дух Марса – приходила в гости. Кстати, что это за явление, Макаров до сих пор не понял, а Марта говорила:

– Если бы я знала, я бы всё тебе рассказала от чистого сердца, но я и сама не понимаю, как я с ним общаюсь. И тебя брать не хочу на свидания, прошлый раз едва тебя от призраков вылечили.

– А если из меня вдруг опять кто-то выскочит?

– Не выскочит, пока я рядом, не бойся.

– А ты всегда будешь рядом?

– Круглосуточно.

Только Макаров хотел выяснить, как это – круглосуточно, как появился веселый Гюнтер. С чего бы это меланхолик улыбается?

Марта отошла колдовать над кофе. Появился озабоченный Гайлинг.

– У Анны истерика, – печально сказал Джон.

– Я ее подлечил, сейчас она спит, проснется совершенно здоровой, – продолжил Гюнтер. – Но нас ждет катастрофа, – с нескрываемым удовлетворением закончил он.

Гайлинг поставил бутылку «Джек Дэниелса» на стол:

– Я принес виски.

– Мы с Мартой не пьем, – возразил Макаров.

– Узнаете новость, выпьете, – радостно заявил Гюнтер.

«Доктор необыкновенно оживлен, – подумал Макаров. – Это не к добру».

– Фобос падает на Марс, – мрачно констатировал факт Гайлинг.

– Что?! – не понял Макаров.

– Скорость вращения Фобоса замедляется, он теряет высоту. Мы с «Инфинити» уже несколько дней наблюдаем за этим. Хорошо, что я не бросал работу с компьютерами. Возможно, «Инфинити» и не посчитал бы нужным нас предупредить.

– Ну? Не тяни за хвост комету! – в нетерпении сказал Макаров.

Марта невозмутимо пила кофе. Это, мол, мужские проблемы, решайте их сами.

– У нас есть где-то дней шестьдесят, если Фобос не ускорится, а, может, и ускорится, действительно есть ощущение, что этот спутник управляется, – Гайлинг печально покачал головой. Мол, вот вам катастрофа и делайте с ней что хотите.

– Эвакуация! Корабль на взлет, – с ходу ответил Макаров.

– Невозможно, – в глубокой печали шептал Джон. – Все системы управления нашего корабля приведены в негодность во имя Фобоса.

– И кто это так пошутил? – Макаров по-настоящему взволновался.

– Да этот «Инфинити», и черт бы побрал этот марсианский код, который я как будто наконец нашел. Причем вся земная программная начинка потеряна безвозвратно. Мы не можем стартовать, – с тихим отчаянием произнес Джон.

– А если вручную? – спросил Макаров и сам же удивился своей глупости. – Ну да, мы даже двигатель не запустим.

– Ну наконец-то, – с мрачной торжественностью заявил Гюнтер. – Мы все умрем, как я и говорил. Смахнет Марс с поверхности инопланетную пыль. Вы тут можете предаваться отчаянию. А я пойду разговаривать с призраками. Может, хоть один затерялся где-то на базе. Все равно скоро конец света, то есть Марса. И делать здесь особенно нечего.

Макаров решил:

– И что вы все волнуетесь? Можете не волноваться, я уже вызываю спасателей, а ты, Джон, раз такой умный, как я красивый, иди вправь мозги своим компьютерам, – распорядился Макаров. – Все очень хорошо. Правда, Марта?

А Марта исчезла. Только что была здесь и уже нет.

– *Я решу наши проблемы, сейчас я договорюсь с духом Марса,* – только и услышал он через телепатическую связь.

– Что? Какой к черту дух Марса? – истерично заорал Гайлинг. Он потянулся к стаканчику виски. И когда успел налить? Выпил, не разбавляя содовой, и удалился, бурча под нос, что все здесь сошли с ума и он сейчас покажет кузькину мать этому «Инфинити».

– Давайте, капитан, вызывайте спасательную экспедицию, – спокойным тоном добавил Гайлинг.

Макаров не мог допустить, чтобы Марта общалась с этой Тенью один на один. Он тут же отправился к Куполу Гекаты. Но никого не нашел.

И ее чип-телепат молчал, как задушенный.

Он долго бродил по горе, вздымая красную пыль. Пока Фобос не поднялся над горизонтом. Макаров ждал, когда придет Тень. Та самая Тень, чернее черного. Он тогда скажет, что дух Марса может уже не спешить, мы всегда успеем убраться с Марса. Где же Марта? И как можно разговаривать с Марсом? Ведьма она и есть ведьма, она умеет. А самое главное – уговаривать. Макарову показалось, что без Марты он одинок во Вселенной. Как же он без нее? Он закричал в полный голос, так чтобы и на Земле его услышали.

– Марта, ты где?

Гюнтер ответил сразу:

– *Она уже на базе, в «Воздушном Замке». Фобос больше не падает!*

В разрывах прозрачных облаков жиденькой атмосферы Марса был виден замерзший Фобос. Он застыл над горизонтом. Должно быть, решал, то ли подняться на свою орбиту, то ли поддастся искушению и силе тяжести и обрушиться страшным гостем на головы землян.

Макаров вернулся на базу и теперь думал вслух.

– Я, конечно, вылечился от этой марсианской заразы. Но что-то неземное во мне наверняка осталось. Хотя на Земле, скорее всего, есть код Земли, на Марсе – код Марса, все равно мы все живем в одной Вселенной, так что не страшно. Этот код не превратит меня в марсиа-

нина. Марта, ты же не позволишь? Хотя, если вдруг стану марсианином, смогу фокусы в цирке показывать, тоже хорошая работа, или стану посредником между землянами и космосом.

– Марта, а у тебя твое колдовство осталось?

– Конечно, я его никому не отдам.

– Тогда не надо больше женщин на Марс пускать.

– Почему это?

– Мне хватит и одной марсианки, и всей остальной Вселенной тоже. Пусть только у меня будет жена – Аэлита с этим самым кодом Марса.

– Хорошо, дорогой, – ответила Марта растерянно. – Только не надо печатать цветов в 3D.

Лучше живые.

– Тогда на Земле?

– Тогда на Земле!

Марта отошла к зеркалу-монитору, чтобы рассмотреть свой новый образ. Сегодня она зеленоглазая принцесса в нарядном белом платье. Макаров наблюдал за ней со стороны. Стоит спасительница наша вся такая сосредоточенная, в себя погруженная. И хотелось верить, что она не думает ни о чем серьезном, такая красивая, а просто ходит туда-сюда.

– Смотрю на себя в зеркало и рычу от удовольствия, – громко сказала Марта. – Хороша!

А потом шепотом, с отключенным чип-телепатом, чтобы Олег и мыслей ее не услышал, проговорила:

– Наивный юноша, какой там код Марса? Его придумал американец и очень мне помог. Хотя, наверное, есть здесь что-то такое волшебное. Просыпаются и усиливаются земные таланты. Во мне же проснулись способности моей пра-, пра-, прабабушки, очень сильной ведьмы. Мадам Ленорман ее звали. Олег и не догадывается, что эта Тень, дух Марса – плод его воображения. И призраков наколдовала я. Они лишь сидели в головах наших межпланетчиков, в их глазах прыгали, как чертики в белой горячке. Пришлось применить свои новые способности. В космосе очень легко любые миражи рисовать, получаются как настоящие, код помогает. И Фобос никогда не падал на Марс и не собирался. Эту мысль внушить Гайлингу было проще простого. И поверили же. А Олег еще больше мной восхитился, когда я катастрофу отменила. Теперь точно влюбился по уши.

– Стоп! – вдруг оборвала себя Марта вслух. – А если на Земле все наши способности пропадут, и я не смогу строить воздушные замки? Ну нет! Никогда ему не признаюсь, что я не марсианка. Что ж я, не смогу изображать из себя инопланетянку? Он не должен догадаться, что я обычная земная ведьма. Для него я – Аэлита.

Гости

Давно это было. А может, и недавно. Запутался я в этих мирах и временах. С духами мы тогда воевали, душманами, то есть. Я, лейтенант Зайцев, командир огневого взвода артиллерийской батареи, честно выполнял свой долг. Мы давили огнем позиции противника, прикрывали наши конвои, совершали марши по этим чертовым горным дорогам. Война – не всегда сражение, война – это долгие нудные переходы и тяжелая работа по рытью окопов и перетаскиванию пушек вручную. И самая главная неприятность...

В этих экзотических местах солдаты у нас пропадали. Месяцами их потом разыскивали. И находили не всех. Это потому, что здесь с недавних пор, как говорил наш полковник, неопознанный феномен объявился или муть необъяснимая. Необъяснимая, потому что те ученые, что еще до конфликта этот говорящий туман исследовали, так ничего и не поняли. Что он есть и откуда он?

Вот когда начиналось сражение, обязательно туман белый возникал. Чаше далеко от нас, только взглядом до него и доберешься. А изредка эту загадочную молочную пелену, которая совсем не похожа на водяной пар, можно было и потрогать. Удобная штука, я скажу. Влезешь в него с одной стороны, а выйдешь совсем в другом месте. Знать бы, где окажешься, цены бы этому туману не было. Но возникал он вдруг и пропадал внезапно, и забрасывало тебя за сотни и тысячи километров, черт знает куда. Никогда не угадаешь, где объявишься, потому и бойцы пропадали. Возникнет рядовой Пупкин где-нибудь в безлюдном месте за сотни километров от цивилизации, а то и посреди моря-океана. Как оттуда выплывешь? А скорее всего, этот воин, ежели оказывается посреди западной цивилизации, так и убежища политического попросить может. Тогда он не вернется, я так думаю. Жаль, на поле боя туман редко клубится. И мы, и духи прыгали бы в него, от пуль и снарядов спасались. Если бы допрыгнули. А то бежишь, бежишь до тумана, чтобы от смерти сбежать, а он взял и растаял. Или долбишь, долбишь фугасами по врагам, а их туман укрыл, и всё, и нет никого. Или выстрелил из пушки, снаряд туман чиркнул, а где он взорвался? Может, на Луне? Это не война, а муть белая получается. А еще призраки из тумана часто вылазят и шастают туда-сюда толпами. Все со знакомыми физиономиями, сплошь двойники чьи-то. Попробуй разберись, кто есть кто. Пока они свеженькие, бесплотные и безобидные, пусть себе шастают. Но говорят, если долго живут среди людей, массой обрастают, поплотнее становятся, мысли у них появляются, почти как люди кругом бродят, чье-то место занимают.

Да уж. Бегаешь, бегаешь по жизни, голову под пули подставляешь, вдруг мысль как стукнет по лбу. Сам-то настоящий? Или гость из параллельного мира? И вообще, может, всё вокруг призрачное? Может, даже пули и снаряды – одна фикция? Помню пушку, которая стволом в белый туман вляпалась. Ствол в тумане таял, как пластилин от жары. Дульный тормоз форму потерял, капал, капал темными каплями и исчез. Ствол изогнуло и укоротило заметно. Видно, металл совсем мягкий стал. А пушка, наверное, в другом месте по частям появляется, из капель собирается. Я тогда руку на боевой щит положил. Холодный. Станный сегодня туман, думаю, попадешь в него и растаешь, как снегурочка. Бросили мы оружие, ушли на другую позицию.

Сам себя всё время спрашиваю: а наша жизнь настоящая? А я сейчас кто? Я или призрак? Нет, я – это я, и хватит об этом, а то после той контузии совсем можно мозгами свихнуться. Как в прошлый раз, когда я доктора встретил и не сразу его узнал.

Отпуск мне дали в сентябре. Иду по мирному городу, радуюсь. Ни обстрелов, ни туманов. Хорошо. По небу белые облака плывут. Тепло, светло, ни намека на дождик.

– Ба, Зайцев! Или это не ты!

Вздрагиваю, слишком громко и неожиданно окликнули.

– Жив?!

«Ничего себе, – думаю, – вот тебе вместо „здравствуйте“». Чувствую неприятный озноб, поворачиваюсь к незнакомцу. Очень хочется крепкое словцо сказать, чтобы не приставал с дурацкими вопросами.

– А мы вас хоронили давеча.

У меня от бешенства глаза широко распахиваются, и нос жутко чешется: это к драке.

«Сейчас, – думаю, – я его урою или хоть придушу немного, чтобы охрип от таких шуток».

А незнакомец стоит напротив, ехидно щурится, хотя нет, во взгляде непритворное удивление. Сам в костюме, при галстуке, в темных очках – такой торжественно-печальный, но чужой, не наш человек, будто издалека прибыл. Я все еще злюсь на него, потому грубо спрашиваю:

– Ах ты муть белая, ты кто, мил человек?

– Или это действительно не ты, Константин? Или не помнишь меня? Служили мы вместе, только ты боевой состав, а я, доктор Блюм, медсанчасть?

– Очкиними, – говорю и взглядом в его лицо упираюсь: нос крючком, немецкий, глаза – буравчики, взгляд докторский, внутрь меня смотрит. Да, пора в памяти покопаться.

Очередная командировка в *ту* горячую точку. И мое первое попадание в туман.

Крикнул я команду «выстрел!», рот по привычке не закрыл, чтобы по ушам не получить, и воздух насквозь просвистел, не тронув барабанные перепонки. Батарея шарахнула из всех стволов. Отплевался я, очистил рот от килограмма пыли, которая после отдачи кисельным туманом поднялась, тут ко мне сержант подбегает, выбивает пыль из пилотки и радостно докладывает: мол, идиоты снабженцы снарядов припасли недостаточно. И они, заряды, значит, вместе со снарядами внезапно кончились, так что стрелять нам больше нечем. Этот залп последний. И весь из себя довольный предо мной вытянулся, будто отпуск заслужил, и война у него кончилась. А мне чего делать? Командую:

– Орудия перевести в положение для буксировки.

А сам пошел на противника смотреть.

Тягачи рычаг, смрад от солярки и пороха в воздухе висит, солдатики, ругаясь, пушки разворачивают. Я старшину поминаю незлым тихим словом, животом на пригорок бросаюсь, чтобы скрытно рассмотреть, что на склоне у противника творится. Вдруг слышу свист, душу изматывающий: мина летит. Испугаться не успел. Носом в траву зарылся, жду, может, мимо пролетит. Трах-бах, и нет меня. Туман возник рядом, кажется, или это у меня темнота в глазах от взрыва.

Голова звенит, как треснутый колокол, тело ушибленное тупо болью ноет. Пытаюсь сообразить сквозь муть в голове, что это было? Я же мордой в землю уткнулся, так что глаза сберег, только по затылку и мог получить. Начинаю различать окружающее. Где это я? И кто надо мной склонился? Не вижу. Темное пятно вместо лица. Все-таки что-то со зрением случилось. А мужик молча через меня перешагивает. Вижу подошву ботинок да кобуру замечаю от «Грача» на поясе с моей надписью на кармашке «КСЗ», сам вытравливал, чтобы никто не покушался. «Спер, сволочь», – думаю, по боку себя хлопаю, с первого раза не попадаю, рука как не своя, не слушается. Ан нет, вот и кобура на месте, и пистолет внутри. Смотрю вслед мужику сквозь туман, у него и спина на мою похожа, тот же бушлат со вчерашним заштопаным осколочным порезом. Я с трудом приподнимаюсь, тяну к нему руку, зову, но вместо слов бульканье в горле бессловесное, а мужик, призрак мой, в тумане тает. Я на бок поворачиваюсь. Зрение вернулось! Могу осмотреться. Валяюсь под деревом: то ли дуб, то ли чинара, не разберу. Дети орут неподалеку, машины рычаг моторами, люди шуршат ногами. Да здесь мирная жизнь! Мальчик подбегает с пластиковой бутылкой воды, говорит: «Что с вами? Помощь нужна? Мы уже скорую вызвали».

Потом меня везли в госпиталь, а я всё думал, хорошо, что в столице нашего округа оказался, это же триста километров от места боя, а не три тысячи! А то вытащили бы меня

из канавы полицейские где-нибудь в Нью-Дели. Сочинял бы им тогда сказки, как незаконно их границы пересек.

Этот доктор Блюм меня тогда и принял. Холодно отметил контузию средней тяжести, прописал уколы и полный покой. А теперь видит во мне покойника. Ну так или иначе, я его вспомнил.

– Здравствуйте, доктор, – говорю с притворной радостью, – когда это Вы меня похоронили?

– Вчерась, – отвечает. А сам искоса рассматривает, будто особые приметы выискивает, глазами хлопает от удивления, признал за живого.

– Да, – отвечаю, – или кто-то из нас с ума сошел, или призраков с того света нагнали. Что же меня-то на собственные похороны не пригласили? Доктор, – спрашиваю, – а у Вас кровь течет в жилах?

Доктор недоуменно чешет в затылке, внимательно меня рассматривает. Диагноз ставит? А мне его проверить придется.

Подхожу вплотную, обнимаю крепко, поднимаю в воздух, взвешиваю. Доктор грустно крякнул, но возмутиться не успел: обратно его ставлю.

«Ну что, – думаю, – килограмм семьдесят, а может, и восемьдесят. На призрака не тянет, массу имеет, хотя призраки всё совершенствуются, уже и вес набирают. Тени второй не вижу. Нет, похоже, живой человек».

– Привет, доктор, – радостно ору ему в ухо, он недовольно морщится. – Здесь, в столице, Вы какими судьбами? Или уже в отставке?

– В отпуске, – сухо отвечает доктор. – А Вы?

– И я в отпуске. Вот отдохнул, называется. Так как Вы меня похоронили? И кто Вам сообщил?

А доктор успокоился, опять наглым стал:

– Что же, здесь будем беседовать?

– А что, – отвечаю, – я куда не тороплюсь, ты рассказывай, а если рассказ покажется интересным, может, и в кафешку переместимся.

– Я закурю? – вдруг у меня спрашивает Блюм. На кой черт ему мое разрешение, я же не дама. Однако в ответ киваю. Он сигарету достает из пачки, пальцы дрожат, занервничал немец, но продолжает разговаривать наглым тоном:

– Ты, Зайцев, брось дурака валять, живой, значит, живой. Не я тебя в гроб положил, нечего на меня орать, а то, что тебя похоронили или двойника твоего, так это факт. Позвонил мне ваш полковник, Градов Семён Михайлович. Он мужик конкретный, сразу мне и сообщает. Зайцева помнишь, спрашивает, артиллериста? А, этот, который контуженный, отвечаю. Полковник и говорит, мол, с ним уже всё вчера. Помянуть придешь? Я что, отказываться буду боевого товарища в последний путь проводить? Конечно, пришел.

Мне чего-то плоховато стало, звон в ушах появился, и в животе пустота, как перед атакой.

– И какой я был? – спрашиваю.

– Такой, как всегда, только смиренный, ну и бледный как смерть, извини.

– Ну, тогда это точно не меня хоронили.

– Я бы так не сказал, – Блюм с сомнением отвечает. – Костюм черный, рубашка белая, галстук красный, а голова точно твоя. Да и не один я Зайцева в покойнике признал.

– Много народу было? – спрашиваю с живым интересом. – А речь кто-нибудь толкнул?

– Народу было много, – обстоятельно отвечает доктор, – речи были короткие, но правильные. О мертвых же только хорошо. Женщины не плакали. Хранили скорбное молчание. Все до одной были элегантно, все в черном.

– А она была? – спрашиваю и вдруг пугаюсь ответа. Я же мог для нее умереть!

Блюм непонимающе меня рассматривает.

– Елена Эдуардовна?

Доктор ждет подробностей, даже курить перестал.

– Ну, такая, – говорю, – эффектная стройная брюнетка, глаза глубокие-глубокие, и бездна в них плещется.

– Очень поэтично, – отвечает доктор, – пожалуй, я понимаю, кого ты имеешь в виду. Была такая дама. Стояла в сторонке, к ней друзья твои подходили, что-то говорили, но она ничего не отвечала. Мне кажется, она ни слова не проронила во время церемонии.

Моей голове вдруг стало холодно, будто макушкой в ледяной ветер окунулся, а в животе, наоборот, горячо. Алена, Алена! Но как она могла меня хоронить? Ведь вчера с ней виделась. Или не вчера? Нет, точно дня три или четыре назад виделась. Или я опять куда-то пропал? Что-то с памятью моей. Болею, наверное.

Помню, как говорил ей «до свидания». А она мне свое очередное предсказание выдала. У нее же прозвище, вернее, рабочий псевдоним – мадам Ленорман. Вот она стоит с несчастным видом и тихим голосом возражает, мол, не встретимся мы с тобой, дорогой мой, четырнадцатого числа, потому что тринадцатого ты в госпиталь попадешь, возле тебя в бою взорвется что-то, и увезут тебя в столицу. Она даже всплакнула от жалости. Хорошая она у меня, вечно собак и кошек бродячих жалела, с улицы подбирала. И даже предсказания свои делала с виноватым видом, будто извинялась за то, что знает будущее. Но главное, всё то, что мне предсказывала моя мадам Ленорман, всё всегда сбывалось. Я с ней тогда на желание поспорил, что плевать мне на взрывы, и если я явлюсь перед ней четырнадцатого – с нее желание, а если нет – то желание с меня. А она спокойно отвечает, что не надо ей никакого желания, всё равно мою контузию отменить невозможно, и спор этот я обязательно проиграю.

И случилась у меня контузия именно тринадцатого. Я уж подумал, что это она меня по жизни ведет, как бычка на веревочке, мозг приказами накачивает, не дает и шаг в сторону ступить. Или она и духам предсказания делает, и командует, когда, куда и в кого миной надо попасть? Есть у меня смутные подозрения, что она с говорящим туманом связь имеет. Говорящий он, потому что призраки, пока в тумане находятся, бубнят что-то невнятное, на нечеловеческом языке.

Доктор докурил свою сигарету.

– Лейтенант, – обращается, – могу я тебя в кафе пригласить, отметим твоё воскрешение.

– Ага, – зло отвечаю. – Только не сейчас.

А у меня все мысли моей любимой Аленой заняты. Быстрее бы ее найти, предъявить себя живого. Еще и призраков выловить всех надо.

– Пока, доктор, некогда мне. Позже встретимся. И помянем меня, и за здоровье выпьем.

– Удачи тебе, – с завистью пожелал доктор, – теперь долго жить будешь.

– Алена, родная, я живой.

– А я знаю.

Любимая, поджав губки, уставилась на меня чужим взглядом, в левой руке держит чашечку горячего кофе, правой, будто руну в воздухе чертит, защищается от меня магически. И это была моя проблема – завоевать ее доверие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.